

УДК 94(438+477)"1914/1916"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/11

БУДУЩЕЕ ГАЛИЧИНЫ В ПЛАНАХ РУССКОГО НАРОДНОГО СОВЕТА*

С.Г. Суляк

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

После Брусиловского прорыва, когда Галичину (Восточную Галицию) снова заняли русские войска, Русский народный совет Прикарпатской Руси составил несколько аналитических записок для военной администрации и российского Министерства иностранных дел. В записках содержится информация об истории края, о борьбе местного населения за сохранение своей этничности и веры, его связях с другими русским землями и вкладе в общерусскую культуру, сведения об этнографической границе и численности русинского населения Австро-Венгрии. Основная цель авторов записок – помочь руководству России и местной русской администрации избежать многих просчетов, допущенных во время первой оккупации края, и способствовать его полной интеграции в Российскую империю. Руководство Русского народного совета Прикарпатской Руси считало необходимым привлекать к работе в местной администрации русских галичан, использовать их опыт и знание местной специфики. Полагая, что «украинский вопрос» вреден для русской государственности, как и дальнейшее существование унии, оно предлагало отделить «украинство» от униатства. Для этого надо было сменить состав членов Галицкой униатской епархии, назначив на место австрийских ставленников русских галичан. В свою очередь русское православное духовенство в Галичине не должно было в профессиональном, правовом и материальном плане отличаться от униатского. Другое предложение – сделать русский язык официальным языком Прикарпатской Руси и ввести обучение на нем, закрыв так называемые украинские школы, которые подрывали единство русского народа и его культуры. Авторы выступали за введение единой русской терминологии, отмену всех конфискаций

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

и секвестров, проведенных австрийскими властями, самовольных и бесплатных реквизиций у местного населения, и так пострадавшего от войны.

Ключевые слова: Галиция, Австро-Венгрия, Россия, русины, русские, русское движение, украинофильство, поляки, уния, униатство, Первая мировая война.

THE FUTURE OF GALICIA IN THE PLANS OF THE RUSSIAN PEOPLE'S COUNCIL*

S.G. Sulyak

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

After the Brusilov Offensive, when Galicia (Eastern Galicia) was occupied by the Russian forces again, the Russian People's Council of Carpathian Rus composed some policy briefs for the military administration and the Russian Ministry of Foreign Affairs. The briefs contain the information on the history of the land, the struggle of the local population for their ethnicity and faith, its ties with other Russian lands, contribution to Russian culture, ethnographic border and the number of Rusins in Austria-Hungary. The briefs aimed to help the Russian leadership and local Russian administration to avoid many mistakes of the first occupation of the region as well as to promote the full integration of the territory into the Russian Empire. The leaders of the Russian People's Council of Carpathian Rus considered it necessary to involve Russian Galicians in the local administrative managements and to use their experience and knowledge in local conditions. Assuming that the "Ukrainian question" and the further union development were harmful for the Russian statehood, it was proposed to separate the "Ukrainians" from the Uniate Church, for which sake it was necessary to change the Galician Uniate Diocese and appoint Austrian protégés of Russian Galicians. In turn, the Russian Orthodox clergy in Galicia was to be equal to the Uniate Church in professional, legal and financial aspects. It was also suggested that the Russian language should become official in Carpathian Rus to be used in educational institutions, which would close the so-called Ukrainian schools, undermining the unity of the Russian people and its culture. The authors advocated the introduction of a unified Russian terminology, the abolition of all confiscations,

* This research is supported by Tomsk State University Academic Excellence Program.

seizures and unauthorized requisitions from the war-stricken local population carried out by Austrian authorities.

Keywords: Galicia, Austria-Hungary, Russia, Rusins, Russians, Russian Movement, Ukrainophilism, Poles, union, unionism, WWI.

Долгое существование Галичины (Восточной Галиции), Буковины и Прикарпатской (Угорской) Руси вне русской государственности, раскол в русинском движении и усиление перед войной противоборства между русским и украинским движениями, продолжавшееся и после присоединения края к Австрии, политика колонизации в Галичине создавали проблемы для интеграции края в Российскую империю. Некоторые российские государственные деятели не поддерживали саму эту идею.

П.Н. Дурново (1845–1915), бывший министр внутренних дел (1905–1906), член Государственного совета, в своем меморандуме Николаю II (в исторической литературе получившем название «Записка Дурново»), написанном в феврале 1914 г., предостерегая от вступления в войну с Германией, указывал на последствия возможного вхождения края (имея в виду Западную и Восточную Галицию) в состав империи: «Нам явно невыгодно, во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь. Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов? Так называемое украинское, или мазепинское, движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспокойных украинских элементов, так как в этом движении несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров» (Дурново 1922: 190).

В начале войны политика российской администрации на оккупированных землях отличалась прямолинейностью. Основываясь на том факте, что население Галичины «всегда было русским», как говорил временный генерал-губернатор Галиции Г.А. Бобринский, после занятия Галиции была приостановлена деятельность украинских организаций, в том числе и украинской школьной системы, печати, издательств, библиотек и т. д. Это вызвало критику со стороны российских украинских деятелей (Михутина 2003: 182). Ряд представителей русского духовенства, которыми в оккупированных областях руководил архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (В.С. Георгиевский), ведя непродуманную пропаганду против унии, провоцировали конфликт с оставшимися в крае униатскими священниками (Михутина 2003: 186).

С началом Первой мировой войны австрийские власти закрыли русские организации Галичины, многие деятели русского движения были арестованы, десятки тысяч русских галичан и буковинцев были отправлены в созданные австро-венграми концентрационные лагеря Талергоф и Гнас в Штирии, Терезин в Северной Чехии, Гминд в Верхней Австрии и др. (Пашаева 2007: 105–106, Суляк 2015: 109). Находившееся в России деятели галицко-русского движения создали 29 июля (11 августа) 1914 г. в Киеве Карпаторусский освободительный комитет (КРОК). Его возглавил Ю. Яворский, членами бюро стали М. Глушкевич, Ю. Секало, М. Сохоцкий, секретарем – С. Лабенский, редактор газеты «Подкарпатская Русь». С занятием Галичины русскими войсками в крае возобновил свою деятельность Русский народный совет, руководящий орган Русской народной организации (Русской народной партии; подробнее о русском движении Галичины см.: Современная Галичина¹ 1914; Суляк 2016а; Суляк 2016b). На его заседании 9 (22) сентября 1914 г. председателем был избран В. Дудыкевич, его заместителем – И. Добрянский, секретарем – М. Сохоцкий. В состав совета входили Л. Алексевич, М. Гнатишак, М. Глушкевич, И. Давидович, И. Завадовский, В. Колдра, И. Костецкий, Р. Красицкий, С. Лабенский, В. Лагола, Е. Лужецкий, Ю. Луцык, Д. Марков, М. Пакиж, В. Сваричевский, Ф. Свистун, Ю. Сикало, М. Третьяк, К. Быховский, З. Филиповский, Ю. Яворский. Среди членов совета только один – о. И. Костецкий – был «старокурсником», все остальные принадлежали к сторонникам «нового курса»². Карпаторусский освободительный комитет переехал во Львов и передал свои полномочия Русскому народному совету (Москвофильство 2001: 60; Орлевич 2011: 237).

С отступлением русской армии из Львова в июне 1915 г. совет эвакуировался из города вместе с русской армией. Первоначально он разместился в Киеве, а в сентябре 1915 г. переехал в Ростов-на-Дону. В 1915–1917 гг. совет занимался положением галицких беженцев в России (Орлевич 2011: 242).

Интерес представляет видение деятелями русского движения Галичины будущего региона в составе России, изложенное в «Записках Русского народного совета Прикарпатской Руси» (так стал именоваться совет с 1915 г.), составленных после того, как Восточная Галиция и Буковина вновь были заняты русской армией после Брусиловского прорыва, и хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (зарегистрированы Особым политическим отделом Министерства иностранных дел России 13 декабря 1916 г.).

В записке «О прошлом, настоящем и будущем Прикарпатской Руси», подписанной председателем Русского народного совета Прикарпатской Руси В. Дудыкевичем, его заместителями И. Добрянским,

М. Глушкевичем, секретарем М. Сохоцким, членом и уполномоченным в Петрограде Л. Алексеевичем и начальником канцелярии Г. Мальцом, говорится о значении присоединения Галичины к России.

Рассуждая о целях войны, авторы данной записки констатировали, что перед Россией стоят «имперские задачи, заключающиеся в подчинении ее власти проливов и в объединении с империей всех частей русского народа». Также отмечена еще одна «великая задача»: «осуществление ее славянского призвания». Причем две первые цели «являются **основными национально-государственными** (здесь и далее выделено мною. – С.С.) ее задачами, требующими как вопросы национального достоинства самой решительной и прямолинейной политики».

«Присоединение к России всей Прикарпатской Руси, – по мнению авторов, – как неизбежная **историческая национальная задача** империи именно в настоящую войну предуказано в речи государя императора к членам Государственной Думы и Государственного Совета, в высочайших телеграммах Карпаторусскому освободительному комитету и Русскому народному совету Прикарпатской Руси, в словах государя к населению г. Львова, в воззваниях Верховного главнокомандующего к русскому народу в Австрии» (АВПРИ 1: 117 об.).

В записке представлены краткая история Прикарпатской Руси (Галичины) и очерк о борьбе ее населения за веру и народность: рассказывается о создании церковных братств, в том числе Львовского Успенского, и деятельности последнего в защиту православия при покровительстве князя К. Острожского, о Манявском ските и т. д. (АВПРИ 1: 118–122). Также описана история борьбы карпатороссов за сохранение своей национальной идентичности в австрийский период, вкратце представлена история Буковинской и Угорской Руси, показаны этнографические границы и численность русинов Подъяремной Руси, отношение русских государей к местному русскому населению (АВПРИ 1: 123–127).

Подчеркивается, что «в малой Галичине сила сопротивления со стороны православия сохранялась около 200 лет дольше, чем в остальных русских землях, подпавших под владычество Польши». В записке перечисляются деятели, внесшие вклад в общерусскую культуру. Так, Иван Фёдоров, поселившись во Львове, основал там типографию, где напечатал немало богослужебных и других книг на русском языке (в том числе и первый русский букварь в 1574 г.).

Из Манявского скита вышло немало православных проповедников, в том числе преподобный Иов, основавший Почаевскую обитель. Во Львовской Ставропигийской школе учились и воспитывались известный гетман и покровитель православия Петр Конашевич-

Сагайдачный, родившийся в окрестностях галицкого Перемышля, митрополит Петр Могила, основатель Киево-Могилянской академии. В XVII–XVIII вв. Галичина дала России архимандрита Киево-Печерской лавры и активного борца с унией Елисея Плетенецкого, митрополита Киевского и Галицкого Иова Борецкого.

Показано, как карпаторусы на протяжении длительного периода участвовали в развитии русской культуры: это первый ректор Петроградского университета и учитель царя Александра I – ученый-угроросс М. Балудянский, ученые-угророссы И. Орлай, В. Кукольник, Ю. Венелин и др.; в более позднее время – профессора Я. Головацкий и Ф. Дьячан, епископы Холмский Маркелл (Попель), Полоцкий и Витебский Михаил (Куземский), изобретатель И. Ливчак, историк В. Площанский, художник, историк и критик искусства И. Грабарь, художник М. Сухоровский, ученый-фольклорист Ю. Яворский и др.

Рост карпаторусской эмиграции в Россию был связан с развитием в 60-х гг. XIX в. классического образования в России и политикой статс-секретаря по делам Польши Н.А. Милютина, направленной против колонизации Холмской Руси, куда отправилась целая плеяда галицких священников и учителей гимназий. Третья, более значительная волна эмиграции галицкой интеллигенции в Россию относится к 1880-м гг. и связана со знаменитым процессом о государственной измене против просветителя Галицкой Руси о. Иоанна Наумовича и его сподвижников (АВПРИ 1: 121 об.–122 об.).

«Если даже оставить в стороне национальные мотивы, – констатируют авторы, – окажется, что присоединение Прикарпатской Руси к России должно явиться удовлетворением важнейших интересов и насущных потребностей империи. Прикарпатская Русь необходима России по строго государственным соображениям, каковыми являются соображения **стратегические, политические и общекультурные**» (АВПРИ 1: 127 об.).

Стратегические: «иметь естественные границы, которые можно бы оборонять с наименьшею затратою военной силы и материальных средств». Отмечалось, что таких естественных границ России удалось достигнуть только на Севере и Дальнем Востоке в виде Ледовитого и Тихого океанов: «Что же касается запада и отчасти юга, то здесь граница была совершенно неудовлетворительна. На северо-западе, т. е. Польше, она упиралась буквально в болото, представляя дугу протяжением в 1 253 километра. Для обороны она была до того неудобна, что военными авторитетами в довоенное время поднимался вопрос о срытии русских крепостей в Царстве Польском ввиду полной невозможности оборонять их от неприятеля, который мог совершенно отрезать привислинский театр войны от остальной России. Это мнение

вполне оправдалось в настоящую войну. Не вдаваясь в дальнейший разбор вопроса о будущей западной границе, нельзя не отметить, что на юго-западе самой выгодной является этническая граница русского народа. Только Карпатские горы, естественная граница Западной и Восточной Европы, могут и должны быть надежной защитой и стражей Матери русских городов – древнего Киева, а с ним и всей России от западных соседей». Также авторы пишут, что «народ необъединенный – не нация, ибо он не весь народ, не полная и целостная в смысле социологическом и политическом особь, а фрагмент», что «оторванность от массива и политическое порабощение крупной части народа как одна из частных отсталой, вредной и уродливой формы бытия является, подобно другим таким же частностям того же явления (государственной, культурной отсталости, иноплеменному засилью), только звено в общей цепи причин, тормозящих национально-культурное развитие и преуспеяние» (АВПРИ 1: 128–128 об.).

В «Соображениях внешней политики», т. е. «**политической стороне вопроса** о присоединении к империи Подъяремной Руси», высказывается мнение, что «только при условии, что ни малейший клочок русской земли не будет оставлен под инородческим владычеством, Россия сможет проявлять в будущем полную самостоятельность, независимость и свободу действий в делах внешней политики». Причем «при оставлении хотя бы только части Прикарпатской Руси вне пределов России должны будут, безусловно, еще больше страдать попеременно то национальные, то государственные русские интересы и в конечном итоге одни и другие» (АВПРИ 1: 128 об.–129).

В «Соображениях внутренней политики» был упомянут так называемый **украинский вопрос**. Отмечалось, что «украинский национально-культурный партикуляризм, не отбиваясь от колесницы польской политической мысли, в последнее время превратился в агрессивное национально-политическое отщепенство и стал в авангарде великодержавной австро-германской завоевательной политики и католического воинствующего клерикализма, стремясь с помощью Вены и Берлина привить фанатический догматизм своей идеологии всему югу России».

Цель австро-немецкой политики «отторгнуть от России Малороссию и впоследствии оттеснить Россию за Урал преследовалась планомерно и упорно в течение полувека и воплотилась в Прикарпатской Руси в столь последовательно проводившейся украинской политике». Отмечалось, что «враг стремится не только к раздробленности России как государства. Он стремится к разъединению русского народа как национального организма с помощью той политики вытравливания национального инстинкта и извращения национальной определен-

ности, которая велась им в Прикарпатской Руси, которая ведется им в настоящее время в завоеванных им юго-западных и северо-западных русских областях. Малорусское и белорусское наречия признаны им самостоятельными, отдельными от общерусского языками, которые преподаются уже в школах, украинцы и белорусы – самостоятельными национальностями, русскому населению всеми силами и средствами прививается стремление к культурно-национальному сепаратизму, ненависть к России. Такая же самая агитационная работа в самых широких размерах организована во всех лагерях для русских военнопленных в Австрии и Германии, где с этой целью солдат и офицеров малороссов и белоруссов содержат отдельно от великороссов. В искусственной прививке чувства национальной обособленности он видит то средство, которое сильнее бетонных крайностей и огромных орудий может закрепить реализацию его адского плана.

В числе кличей и девизов войны с Россией всей Германией, военной, дипломатической и гражданской, выставлено "освобождение Украины от русского ига", причем доказывается, что в состав автономии Украины должны войти Киев, Харьков, Одесса, Николаев и Севастополь, тем более что полоса, прилегающая к Одессе, фактически находится уже в германских руках, так как здесь до объявления войны числилось 78 819 немцев...

Для России национальное единство русских племен является основой и условием государственной мощи. Подневольное бытие части русского народа всегда будет использовано врагами России против нее. Там неминуемо будет создан Пьемонт, предназначенный породждать и питать в самой России уродливые центробежные сепаратистские стремления».

Присоединение Прикарпатской Руси к России, считали авторы, не только освободит часть русского народа от чуждого, враждебного России культурно-политического влияния, но оно необходимо также и для внутреннего оздоровления и силы России. «Национальный сепаратизм неминуемо, в силу логической неизбежности, ведет к сепаратизму политическому, а последний, в свою очередь, – к государственному дроблению» (АВПРИ 1: 129–130 об.).

Еще один аргумент – **«интересы культуры духовной и материальной»**. Касательно интересов материальной культуры было заявлено, что «по проценту сельского населения (81,5 %), по отношению профессий, распределению земельной площади между отдельными видами угодий, по взаимному отношению культур хлебов и растений, по количеству скота и т. п. Прикарпатская Русь, резко отличаясь от Западной Европы, представляет собой как бы продолжение Малороссии и вообще России». Упоминалось, что густота населения ведет не только

к переселению, но и способствует более высокому, по сравнению с соседними областями России, развитию земледелия, доходности как государственного, так и автономного бюджетов, густой сети шоссейных и железных дорог, развитию промыслов и т. д. Указывалось на наличие в Галичине значительных природных ресурсов: свыше 300 000 десятин высококачественного леса в государственной собственности, нефти (меньше, чем в Баку, но более качественной: в ней меньше мазута и больше дорогих составляющих частей - парафина, газолина и бензина). По склонам Карпат находятся громадные залежи каменного угля, озокерита (горного воска), железной руды, залежи соли и, наконец, минеральные источники (АВПРИ 1: 131–131 об.).

Вторая записка Русского народного совета Прикарпатской Руси посвящена вопросу управления областями русского Прикарпатья. Она была написана 17 сентября 1916 г. и предоставлена генералу А.А. Брусилову. Записку подписали председатель Русского народного совета Прикарпатской Руси В. Дудыкевич и член совета Г. Малец.

Целью данной записки было высказать мнение Русского народного совета «по вопросу об управлении областями Прикарпатья и прежде всего Галичины, в предположении, что они будут признаны лежащими на продолжении выработанного официального "Положения об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны" и совпадающими с русскими государственными и национальными интересами» (АВПРИ 2: 93). Авторы обратили внимание на то, что в исконно русских областях все сильнее стал проявляться национальный сепаратизм: на северо-западе – белорусский, на юго-западе – украинский. Украинская идея стала содержанием польской политики в Галичине, ей покровительствовали венский и берлинский кабинеты, видя в «Киевском великом княжестве» ближайший этап на пути немецкого продвижения на восток.

В записке говорилось о том, что «отсутствие национального чужья вызвало основную роковую ошибку в области русской внешней политики: была взята иноверная и иноплеменная, враждебная России Варшава и отдана Австрии, справедливо называемой тюрьмой народов, единокровная православная Червоная Русь, древнерусские княжеские стольные города – Галич, Львов, Перемышль».

Не особенно удачна, по мнению составителей записки, была внутренняя политика в присоединенных в свое время к России северо-западных и юго-западных областях: незнание местной специфики, которое заключалось в сохранении старых и предоставлении новых привилегий одному сословию – польскому дворянству, вылилось в продолжение политики полонизации местного населения – белорусского и малорусского. В этих областях также стал развиваться

«белорусский» и «украинский» сепаратизм (АВПРИ 2: 93 об., 94 об.).

Касаясь Галичины, авторы отметили, что в начале войны «галицкая администрация и полиция, состоящая исключительно из одних поляков, действуя в интересах польской политики, а равно желая доказать свой горячий австрийский патриотизм, произвели массовые аресты среди ни в чем неповинного русского населения, обвинив его поголовно в тяготении к России, предав тысячи людей казни часто без суда и следствия и угнав около 50 000 чел. лучших русских галичан всех сословий в тыл, т. е. в немецкие провинции, в тюрьмы и концентрационные лагеря. Во время конвоя эти мученики за свои русские убеждения и в то же время живые "свидетели" польских "симпатий" к России подвергались жестокому, часто смертельным побоям и истязаниям со стороны не только евреев, но и поляков – как простых людей, так и интеллигентов». В свою очередь «массовые аресты и казни русских галичан, а равно и массовое же бегство их в родную Россию уже во время войны галицкими поляками было опять-таки использовано для самой широкой колонизации Восточной Галичины польским элементом: все освободившиеся места замещены поляками, многие русские земли отданы польским колонистам, в русских селах построены костелы. Кроме того, местное русское наречие исключено из официальных сношений, малорусские школы тоже повсеместно заменены польскими. Таким образом, уже во время войны, явочным порядком, еще более усилено фактическое польское владение в этом крае» (АВПРИ 2: 95 об.–96).

«Самая идея освобождения, – писали авторы, – требует полного исключения от управления вчерашних поработителей. На русской земле власть и все управление должны находиться в русских и только в русских руках». Русский народный совет Прикарпатской Руси заявил о готовности предоставить из числа уроженцев Прикарпатской Руси кандидатов на разные служебные места, а также предложил русской администрации «осведомляться о положении и нуждах страны у представителей местной русской общественности, пользуясь их опытом и знанием» (АВПРИ 2: 97–97 об.).

Другим вопросом, «требующим самого тщательного изучения и самого осторожного отношения, является вероисповедный вопрос в Галичине и, в частности, вероисповедная особенность части русского населения – униатство». Уния, указывали составители записки, «представляет собою продукт польского влияния как средство польской политики отколоть малорусское племя или хотя часть его сперва в религиозном, а потом, постепенно, в языковом, национальном и, наконец, в политическом отношении от остального национального

массива». «Когда полонизаторский поход на Галицкую Русь перешел во вторую стадию, в стремление путем насаждения "украинофильства" отторгнуть всю русскую область от главного корня в отношении языковом и национальном, самым верным средством для достижения желательных результатов было, естественно, тесное сплетение украинской проблемы с униатством: за последние три десятилетия мы видим в составе высшей униатской церковной иерархии одних известных украинских и даже польских политических деятелей. Духовные лица русских убеждений не допускались совсем, в духовные семинарии принимались исключительно молодые люди, известные как отъявленные украинцы» (АВПРИ 2: 97 об.–98).

Составители записки считали, что ради «русских государственных и национальных интересов» необходимо отделить «украинство» от «униатства»: «нужно сознательно стремиться к тому, чтобы "украинство" не могло отождествляться и сливаться с "униатством", чтобы оба эти явления не укрепляли друг друга в тесном союзе, а, напротив, потеряли бы связь между собою, кроме того, также возможность и способность воздействия на народные массы и в глазах народа, со стихийной силой почувствовавшего свое родство с русской армией и русским народом как целым и единым организмом, явились бы во всей наготе своего существа: уродливым пережитком австро-польских отношений». С этой целью, «изолировав эти оба явления друг от друга, нужно в дальнейшем не ограждать себя от них и не давать им ограждать себя, а вникнуть, войти в них, овладеть ими и дать каждому из них желательное направление». Предполагалось изменить постепенно состав галицкой униатской иерархии, назначив «на место австрийских ставленников – польских графов и украинских агитаторов, лиц твердых русских убеждений из русских галичан-униатов, глубоко преданных России и никогда не порывавших духовных связей с нею и с православием». Тогда «можно будет с полной уверенностью ожидать, что после перехода в православие еще при австрийском режиме около десятка сел и такого же добровольного, в силу стихийного влечения, воссоединения десятков тысяч русских галичан, как во время первой оккупации, так и во время пребывания беженцами в России, скоро от унии в Галичине не останется и следа» (АВПРИ 2: 98–98 об.).

Вера в победу русского оружия, по мнению авторов, усилила бы массовый переход в православие. А отмена зимой 1915 г. австрийскими властями «юлианского календаря в униатской церкви и замена его латинским вызвала крайнее негодование и даже серьезные волнения в народных массах, демонстративно уклоняющихся от посещения храмов в католические праздничные дни, каковыми заменены преж-

ние русские праздники, и только ожидающих возвращения русских войск для того, чтобы воссоединением с православной церковью раз навсегда порвать всякую связь с воинствующим католицизмом» (АВПРИ 2: 98 об.).

Было выражено пожелание, чтобы православное духовенство «ни в смысле внешнего блеска, ни в отношении умственных и нравственных качеств, ни в отношении правового и материального положения духовенства не уступало бы ни римско-католическому, ни униатскому». Указывалось на «необходимость сохранить в силе, наряду с гарантией полной религиозной свободы, т. наз. "конкордии", т. е. церковного и государственного закона перехода из униатского вероисповедания в римско-католическое» (АВПРИ 2: 98 об.).

Предлагалось «языком официальных сношений в пределах Прикарпатской Руси в ее этнографических границах» оставить «только русский язык, правительственные школы, начиная с народных и кончая высшими, должны быть только русские» (АВПРИ 2: 98). Польскому меньшинству Восточной Галиции оставить права обучения в частных учебных заведениях, поступления на службу, участия в выборах и т. д., однако поставить это в зависимость от соблюдения поляками прав русского меньшинства в будущей Польше в ее этнографических границах (АВПРИ 2: 98 об.–99).

Что касалось местных малорусских, вернее, украинских школ, то «защищающие полезность и даже необходимость сохранения хотя бы в начальных школах малорусского наречия проявляют в лучшем случае изумительную недодуманность, забывая, что логическая необходимость ведет от низшей школы к высшей. Именно школа прежде всего и дает ответ на вопрос о национальной принадлежности. "Украинская" школа в Галичине и Буковине и была тем верным средством, с помощью которого немцы и поляки решили посягнуть на наше национальное единство, разрушить связь малороссов с остальным русским миром. Сохранить эту школу нельзя не только по чисто техническим соображениям. Чуть не каждая страница этих учебников "украинской мовы" и "истории Украины" – это кошунственная фальсификация истории и языка и проповедь ненависти к России, к русскому народу и к православию. Сохранить эту школу означало бы усвоить и продолжать австро-германскую политику и, вместо того чтобы укрепить в границах одной государственности живую, действительно существующую и, к счастью, немцами, поляками и украинцами еще не разрушенную связь двух русских племен, добровольно разрывать и окончательно уничтожить ее. Это значило бы подорвать господство общерусской культуры, единой национальной культуры единого русского народа. Пусть в начальных школах учитель объясняет детям непонятные

русские литературные слова и вообще все, что требует объяснения, на местном наречии, пусть оно будет допущено для простолюдина в суде и других ведомствах, но принцип не должен быть нарушен: русский народ один и единый русский язык, создавшийся из слияния всех русских наречий и племен, должен господствовать на всей территории распространения русского народа» (АВПРИ 2: 99–99 об.).

Создания русской школы потребуют, полагали авторы, сами крестьяне «всех национально сознательных сел», и это «практически не представит никаких затруднений», как это и было в первую оккупацию края. Упоминается, что тогда для учителей были учреждены дополнительные педагогические курсы в городах Галичины, а также в Киеве и Петрограде. Их закончили несколько сот учителей и учительниц. В Ростове-на-Дону существовала мужская гимназия для уроженцев Прикарпатской Руси, которую, по мнению авторов, следовало перевести в Галичину. Вместо прежних польских, украинских и немецких средних учебных заведений необходимо было открывать во Львове и других городах Галичины и Буковины русские учебные заведения, приглашая в преподаватели лучших русских педагогов из России, а также из русских галичан – преподавателей гимназий, уже во время войны бежавших в Россию и служивших в разных учебных заведениях империи.

Часть состава профессоров высших учебных заведений в крае можно было заменить русскими профессорами Варшавского университета и других учебных заведений Царства Польского и самой России. Некоторые кафедры во Львовском университете могли бы занять молодые галицко-русские ученые, прибывавшие из России, а также русские галичане, которым из-за их убеждений был закрыт доступ к руководству кафедрами при австрийском режиме (АВПРИ 2: 99 об.–100).

Поскольку «галицкие и буковинские судьи и чиновники всех других ведомств по австрийским законам обязаны были знать малорусское наречие для сношения на нем с малорусским населением, хотя на само деле его не знают», предлагалось дать местным чиновникам возможность изучения русской литературного языка, для чего следовало создать специальные курсы (АВПРИ 2: 100–100 об.).

Для наблюдения за деятельностью органов судебной власти, финансового и хозяйственного управлений рекомендовалось «назначить из доверенных лиц русской национальности особых инспекторов, создать из числа членов Львовской судебной палаты особый сенат как верховную инстанцию, на место венского верховного и кассационного суда, что особенно необходимо для уголовных дел арестованных, назначить главного и старшего прокуроров из русских,

наконец, принять особые меры к охранению поземельных книг и судебных архивов» (АВПРИ 2: 100 об.).

Назначение и смещение градоначальников предлагалось предоставить власти военного генерал-губернатора, собрав сведения о кандидате, чтобы избежать «повторения случаев назначения городскими головами лиц, заведомо враждебно настроенных к России», учитывая, что «многие городские думы и земские управы принимали самое видное участие в организации легионов против России». «В прошлую оккупацию, – отмечали авторы, – во главе городничих управ оказались не только отъявленные враги России, но даже люди с преступным прошлым, стоявшие на службе австрийской разведки», которые «после отступления русских войск предавали австрийским властям на виселицы и расстрелы лиц, благожелательно относившихся во время оккупации к русским войскам и властям». Указывалось на необходимость обратить особое внимание на личный состав чинов администрации (АВПРИ 2: 100–101).

Авторы настаивали на введении единой русской терминологии, употреблении русских названий местностей, исключив «варваризмы и искусственные названия: украинские, русинские и т. п.» типа Злочев, а не Злочув, Жолква – не Жолкиев, Городок – не Грудек, Перемышль – не Пшемышль, Великий Любень – не Любень Велики, Толмач – не Тлумач, Нижнев – не Нижнюв, Манастириска – не Монастержиско, Бережаны – не Бржежан, Задворье – не Задвурже и т. д., согласно трудам географической комиссии Русского народного совета Прикарпатской Руси, изданным топографическим отделом при штабе военного генерал-губернатора Галичины (АВПРИ 2: 101 об.).

Были высказаны рекомендации чинам полиции и жандармского управления при производстве обысков, арестов и высылке соблюдать большую, чем раньше, осторожность и критическое отношение к доносам.

Значительная часть населения Галичины, Буковины и Венгрии «подверглась со стороны австро-венгерского правительства разного рода репрессиям: священники лишены приходов, судьи, учителя и чиновники – мест и прав службы, торговцы и промышленники лишены промысловых свидетельств, адвокаты и врачи исключены из списков, имущество их конфисковано или на него наложен секвестр. Громадное большинство таких лиц составляют русские галичане, буковинцы и угророссы, в числе их также бывшие на русской службе во время оккупации» (АВПРИ 2: 101 об.–102).

Поэтому население с радостью встретит, как считали авторы записки, справедливый со стороны русской власти акт, «отменяющий конфискации и секвестры, восстанавливающий потерпевших за свои

русские убеждения лиц в правах их службы и разрешающий вернуться к своим обычным занятиям».

Комитету по оказанию помощи населению, пострадавшему от войны при военном генерал-губернаторе Галичины, а также разным благотворительным комитетам значительно облегчило бы задачу «распоряжение о реквизиции с запрещением самовольной реквизиции вообще и бесплатной, если не вообще, то, по крайней мере, у неимущих классов, в первом ряду у крестьян». Кроме того, «было бы в высшей степени желательно учредить, с привлечением представителей местного населения, комиссии для установления и расценки вообще всех убытков, причиненных войной». Подобные комиссии, как указывалось, действовали в Германии и Австрии и в занятых ими областях. Это укрепило бы доверие населения к оккупационной власти (АВПРИ 2: 102).

Для «усиления русского элемента в Прикарпатской Руси» рекомендовалось:

1) возобновить деятельность Русского народного совета Прикарпатской Руси и оказывать ему содействие;

2) восстановить выпуск русских печатных изданий (ежедневной газеты «Прикарпатская Русь» и еженедельника для народа «Голос народа»);

3) содействовать возвращению на родину пребывающих в России беженцев-карпатороссов для участия в восстановлении края;

4) возобновить деятельность местных русских просветительских, культурных и экономических обществ и учреждений общерусского направления, объединяющихся в Русской народной организации во главе с Русским народным советом Прикарпатской Руси, и оказать им помощь, в том числе и финансовую в виде кредитов;

5) обеспечить развитие русской торговли и промышленности в Галичине путем привлечения купцов и промышленников из России, а также путем выдачи промысловых свидетельств на торговые предприятия местным русским организациям и частным лицам (АВПРИ 2: 102–102 об.).

Некоторые положения о работе с униатами в вышеуказанной записке пересекаются с «Запиской заведующего продовольственным отделом военного генерал-губернатора Галиции ротмистра С.И. Данилова «Россия и Галиция», составленной 24 ноября 1915 г., после оставления Галиции, и представленной протопресвитеру военного и морского духовенства Г.И. Шавельскому. Дав небольшой исторический очерк и «краткий обзор борьбы галицкого народа за веру и народность», автор излагает желательную духовную политику православия в Галиции, или «какова должна быть духовная

политика православия в Галиции в связи с прошлым и настоящим» (АВПРИ 3: 103 об.–111).

Данилов напоминал, что в настоящее время Галиция «находится под воздействием двух влияний: католичества и православия, и, несмотря на то что православие – исконная религия Галиции, отстаиваемая ею в неустанной борьбе на протяжении почти шестисотлетнего существования, католическая пропаганда как орудие сначала польской, а затем австрийской политики пустила в стране глубокие корни и если не сумела вполне поработить душу галичанина, то все же успела отторгнуть его от общей православной церкви, навязать народу унию, и эта уния существует уже 150 лет, и сбросить ее без посторонней помощи, ввиду неусыпного глаза и цепких рук католичества, галицкий народ не в силах» (АВПРИ 3: 111 об.).

Однако «несмотря на все гонения и преследования, душою галицкий народ никогда не лежал в сторону католичества, в результате чего и явилось возникновение унии, этого замаскированного католицизма с догмою Рима и внешностью и обрядностью Востока». Но «при малейшей попытке перетянуть весы униатства в сторону католицизма вновь восстает с прежней энергией, и чему особенно ярким доказательством служат события непосредственно перед началом войны, когда высшее униатское духовенство с графом Шептицким во главе пыталось покончить с униатством, насильственно вводя в него обряды и обычаи латинства, т. е. уничтожая единственное святое и дорогое, что осталось у галичанина от его бывшего православия».

В ответ на это, указывал автор, «галичане тысячами стали переходить в православие, платясь за свой отказ от унии свободой и жизнью, и это обстоятельство еще раз громко свидетельствует о том, что, несмотря ни на какую религиозную видимость, в душе галичанин всегда бессознательно оставался православным, и этого исторического тяготения к православию не могли вытравить никакие ухищрения, никакие преследования».

При предполагаемом вторичном занятии Галиции Россия в своей духовной политике должна была учесть два фактора: «униатство галичанина, насчитывающее за собою почти 150 лет, и как противовес ему вышеупомянутое безотчетное тяготение к православию» (АВПРИ 3: 112).

С одной стороны, считал С.И. Данилов, насильственная ломка униатских обычаев могла принести «только вред, сыграв на руку врагов: всякое насилие не привлекает, а отталкивает дальше, в вопросах веры – в особенности». С другой стороны, «душевное тяготение галичанина к православию, вскормленное, быть может, заветами и вековую борьбу за веру отцов, открывает перед церковью прямой

путь: привлечь в свое лоно отторгнутых сынов не мечом, не правом сильного, а силою и правдою своей правды; галицкий народ по собственному почину и доброю волею должен перейти в православие» (АВПРИ 3: 112–112 об.).

Политика России в этом вопросе, по мнению ротмистра, должна быть следующей: «в противовес униатским священникам, которые почти все поголовно доктора философии, послать в Галицию цвет нашего духовенства – академиков, ораторов, людей идеи, поставить их вне всякой зависимости от мирских поборов и обеспечить их в степени, как это полагается при широком миссионерстве».

Предлагалось обратить внимание и на внешнюю сторону православия: «Галицкий народ любит пение и благолепные богослужения, и с этой народною чертою необходимо считаться. Поэтому православные священники должны иметь возможность обставить богослужение во всем его византийском блеске, чтобы не было того, что нередко встречается на наших окраинах: убогий храм, священник и дьякон с пономарем вместо хора – зачастую даже не храм, а наскоро и плохо приспособленное случайное здание. Такая постановка наряду с католической помпой сравнения выдержать не может; католичество же в преследовании своих целей учитывает все и средств не жалеет».

Также «при церквах, по общедревнеправославному и галицкому обычаю, необходимо сосредоточить всю общественную благотворительность – конечно, под контролем местного русского правительства, – чтобы народ в священнике своего прихода видел не только пастыря, но и заступника».

Автор считал, что православных священников необходимо поставить в условия, равные тем, что были у католических ксендзов и униатских священников, «для того же, чтобы священник мог достойно выполнять свои пасторские обязанности и быть для своего прихода действительным духовным отцом и руководителем», т. е. «православный священник должен быть в своем приходе так же несмещаем, как несмещаемы католические и униатские священники, которые, раз избранные и утвержденные епископом, остаются на своих местах до самой смерти; если же и смещаются, то только по суду духовному или гражданскому, или же по взаимному соглашению и с разрешения высшей духовной власти меняются приходами добровольно». Данилов был уверен, что «принцип несмещаемости имеет для священника огромное социальное и моральное значение» (АВПРИ 3: 112 об.–113).

По мнению автора записки, «после войны самый подходящий психологический момент для деятельной работы православия в Галиции. Католичество, зарвавшись и потеряв чувство меры, не учло религиозной психологии галицкого народа и сделало крупнейший

промах, пытаясь насильственно ввести в унию католическую обрядность, пытаясь этим порвать последнюю связь унии с православием. И галицкий народ чутьем угадал опасность, оттолкнулся от унии и тысячами стал переходить в православие, подвергая себя этим, как уже упомянуто выше, гонениям и мучениям. И ни русский синод, ни православный епископ в Америке (колония эмигрировавших от католического гнета галичан), несмотря на неоднократные со стороны галичан к ним просьбы о помощи и присылке для духовного руководства православных священников, никакой помощи тогда православной Галиции оказать не могли в силу ревностного недопущения австрийским правительством чьего бы то ни было вмешательства в свои внутренние дела» (АВПРИ 3: 113 об.).

Упоминалось, что после занятия русскими войсками Галичины местное население стало массами переходить в православие. Однако после оставления края русским войсками австрийцы начали репрессии против православных, рассматривая их как государственных изменников. Почти все священники «русского направления» были арестованы и посажены в тюрьмы. Этим положением воспользовались ксендзы. Католическая пропаганда убеждала православных и униатов во избежание репрессий переходить в католичество.

Чтобы избежать «роковых ошибок при нашем возможном вторичном занятии Галиции», С.И. Данилов предложил временно воздержаться «от усиленной пропаганды православия до тех пор, пока не будет нашей уверенности в прочности нашего военного положения на занятой по праву войны территории, так как запуганный австрийскими угрозами и репрессиями галицкий народ боится проявлять нам свои настоящие чувства, чтобы вновь не расплачиваться за них впоследствии».

Для того «чтобы свести православие с этой мертвой точки, нам нужно прежде всего прочно и твердо стать в Галиции в военном отношении, и только после этого православие может начать свою деятельно-созидательную работу», - считал автор записки. Он предлагал следующее: *восстановить деятельность Русского галицкого народного совета, передать в руки представителей русской власти (светской или духовной) руководство местными национальными организациями* («местные национальные деятели частью арестованы, частью казнены, а частью разбежались, и местные национальные организации остались без руководства, фактически не существуют, и их необходимо сплотить в одно целое»), *отделить церковь униатскую от католической и подчинить ее Священному синоду* («так как уния есть не что иное, как уклонное православие»), *уничтожить в унии все нововведения католичества последнего времени, имевшие*

своей целью перевод унии в католичество (против этих нововведений восставал сам галицкий народ), запретить переход из униатства в католичество (тех, «кто перешел – возвратить обратно, что отнюдь нисколько не нарушает принципа свободы вероисповедания ввиду существующего запрета такого перехода самим папой, который в каждом отдельном случае должен давать особое и отдельное разрешение»), поддержать галичан, перешедших в православие во время русской оккупации Галиции («дарованием льгот или другими какими мерами поставить в такое положение, чтобы они не пожалели о своем переходе»), открыть и восстановить все православные храмы и монастыри, в том числе и Манявский скит («причем своевременно необходимо озаботиться о надлежащих кадрах священников, как уже сказано – академического образования») (АВПРИ 3: 114–115 об.).

Общую духовную политику России в Галиции предлагалось свести к тому, «чтобы освободить унию из-под налета и влияния католичества, подчинить ее себе и запретом перехода из униатов в католичество изолировать ее от католичества так, чтобы оставить ей одну только выходную дверь – вернуться в православие, одновременно обставив свою церковь, в противовес великолепию костелов, благолепием и великолепием восточных церквей» (АВПРИ 3: 115 об.).

С.И. Данилов считал, что «сейчас, когда гремят залпы орудий и потоками льется человеческая кровь, не время заниматься в покоренных землях вопросами православной церкви». Когда «многие сотни тысяч остались без крова, потеряв все, что наживалось годами долгих и тяжелых трудов, – потеряли близких и родных, оставшись сирыми, одинокими и нищими, и наряду с горем и отчаянием растет в душе человека озлобление, и немало нужно времени, чтобы все всколыхнутое ужасами и бедствиями войны вновь вошло в свое русло, – и только тогда сможет присоединенный народ спокойно и сознательно отнестись к вероисповедным вопросам и разобраться в них. Только тогда православная церковь и будет иметь возможность подойти к народу ближе, не вызывая раздражения и отчуждения».

Он рекомендовал на начальном этапе ограничить деятельность церкви в крае «духовными потребностями армии, сосредоточив всю духовную власть исключительно в руках представителя протопресвитера военного и морского»; создать походные церкви при каждом уездном начальнике или коменданте «с соответствующим составом священнослужителей, по возможности высшего духовного образования, с хором и обстановкой храма, соответствующей представлению галичанина о благолепии Восточной церкви – в противовес великолепию и пышности богослужения католического (искусственно обставленную)». Автор записки полагал, что «православная церковь

на покоренной территории не должна вести сейчас никакой политики, придерживаясь выжидательного положения и давая возможность галичанину осмотреться и присмотреться к новому». Причем, по мнению ротмистра, «при этих же церквях при уездных начальниках в руках священнослужителей должна быть сосредоточена вся местная текущая благотворительность, чтобы присоединенный народ видел в лице православного священника не инославного врага, а друга, помощника и покровителя». Доверие это «должно лечь первым основным камнем в духовное сближение униатства с православием. Остальное придет само собой впоследствии» (АВПРИ 3: 115 об.–116 об.).

Составители записок, анализируя опыт первой русской оккупации Галичины, изложили свое мнение по поводу действий русской администрации при последующем занятии края, которые должны были способствовать интеграции его населения в Российскую империю. Русской администрации предлагалось действовать с учетом местной специфики. По мнению авторов, следовало заменить представителей местных органов власти и полиции, состоявших в основном из поляков и виновных в репрессиях против русских галичан, ввести в качестве официального только один язык – русский, оставить только школы с русским языком обучения и т. д. Указывалось на необходимость отделения унии от украинства и замены дискредитировавших себя униатских иерархов. В то же время предлагалось укрепить православную церковь кадрами, не уступавшими в профессиональном плане униатскому и католическому духовенству. На наш взгляд, следование многим изложенным рекомендациям помогло бы избежать многих ошибок, допущенных во время русской оккупации Галичины в годы Первой мировой войны, а также после присоединения ее в 1939 г. к СССР и послевоенной борьбы с украинским националистическим подпольем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Брошюра «Современная Галичина: этнографическое и культурно-политическое состояние ее в связи с национально-общественными настроениями. Записка составлена при Военно-цензурном отделе Управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (июль 1914 г.)». Была написана с помощью членов Карпаторусского освободительного комитета (Москвофильство 2001: 60–61).

2. В 1909 г. русское движение Галиции раскололось на две части: «старокурсники» были против полного единения с русским народом, признавали свою народную речь и были лояльны австро-венгерским властям; «новокурсники» полностью ориентировались на Россию,

считали русинов частью единого русского народа и выступали за единый русский литературный язык (Москвофильство 2011: 54).

ЛИТЕРАТУРА

АВПРИ 1 - Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Особый политический отдел. Отд. 474. Д. 152. Об историко-культурном и этническом развитии Галиции, ее тесных связях с Россией. Записка Русского народного совета Прикарпатской Руси о прошлом, настоящем и будущем Прикарпатской Руси. 13 декабря 1916 г. Л. 117–132.

АВПРИ 2 - АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Отд. 474. Д. 152. Записка Русского народного совета Прикарпатской Руси по вопросу управления областями русского Прикарпатья. 17 сентября 1916 г. Л. 93–102 об.

АВПРИ 3 - АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Отд. 474. Д. 152. Об историко-культурном и этническом развитии Галиции, ее тесных связях с Россией. Записка заведующего продовольственным отделом военного генерал-губернатора Галиции ротмистра С.И. Данилова «Россия и Галиция». 24 ноября 1915 г. Л. 103–116 об.

Дурново 1922 - *Дурново П.Н.* Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6. С. 178–199.

Михутина 2003 - *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М.: Ловатера, 2003. 289 с.

Москвофильство 2001 - *Москвофильство: Документи і матеріали* / Уклад. О. Сухий. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2001. 236 с.

Орлевич 2011 - *Орлевич І.В.* Галицьке русофілство підчас Першої світової війни // Вісник Львівської комерційної академії: збірник наукових праць. Львів: Львівська комерційна академія, 2011. Вип. 10: Ювілейний збірник на пошану С. Гелея. С. 235–249.

Пашаева 2007 - *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. 2-е изд., испр. и доп. М.: Имперская традиция, 2007. 192 с.

Современная Галичина 1914 - Современная Галичина: этнографическое и культурно-политическое состояние ее, в связи с национально-общественными настроениями. Записка составлена при Военно-цензурном отделе Управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (июль 1914 г.). [Б. м.]: Походная тип. штаба главнокомандующего армиями, 1914. 30 с.

Суляк 2015 - *Суляк С.Г.* Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне) // Русин. 2015. № 4 (42). С. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9

Суляк 2016а - *Суляк С.Г.* Русины в воспоминаниях участников Великой войны // Русин. 2016. № 1 (43). С. 73–92. DOI: 10.17223/18572685/44/6

Суляк 2016b - Суляк С.Г. Галицкая Русь в российских неперіодических изданиях начального периода Первой мировой войны // Русин. 2016. № 3 (45). С. 190–216. DOI: 10.17223/18572685/45/14

REFERENCES

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund of the Special Political Department. Dep. 474. File 152. Ob istoriko-kul'turnom i etnicheskom razvitii Galitsii, ee tesnykh svyazyakh s Rossiei. Zapiska Russkogo narodnogo soveta Prikarpat'skoy Rusi o proshlom, nastoyashchem i budushchem Prikarpat'skoy Rusi. 13 dekabrya 1916 g. [On the historical, cultural and ethnic development of Galicia, its close ties with Russia. A brief by the Russian People's Council of Carpathian Rus about the past, present and future of Carpathian Rus. December 13, 1916]. pp. 117-132.

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund of the Special Political Department. Dep. 474. File 152. Zapiska Russkogo narodnogo soveta Prikarpat'skoy Rusi po voprosu upravleniya oblastyami russkogo Prikarpat'ya. 17 sentyabrya 1916 g. [A Brief of the Russian People's Council of Carpathian Rus on the Carpathian Rus control. September 17, 1916]. pp. 93-102.

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund of the Special Political Department. Dep. 474. File 152. Ob istoriko-kul'turnom i etnicheskom razvitii Galitsii, ee tesnykh svyazyakh s Rossiei. Zapiska zaveduyushchego prodovol'stvennym otделom voennogo general-gubernatora Galitsii rotmistra S.I. Danilova "Rossiya i Galitsiya". 24 noyabrya 1915 g. [On the historical, cultural and ethnic development of Galicia, its close ties with Russia. A Brief from Head of the Food Department of the Military Governor-General of Galicia captain S.I. Danilov "Russia and Galicia." November 24, 1915]. pp. 103-116 ob.

Durnovo, P.N. (1922) Zapiska Durnovo [A Durnovo's Note]. *Krasnaya nov'*. 6. pp. 178-199.

Mikhutina, I.V. (2003) *Ukrainskiy vopros v Rossii (konets XIX – nachalo XX veka)* [The Ukrainian problem in Russia (the late 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Lovatera.

Sukhiy, O. (ed.) (2001) *Moskvofil'stvo: Dokumenti i materialy* [Moscowphilia: Documents and Materials]. Lviv: Lviv State University.

Orlevich I.V. (2011) Galits'ke rusofil'stvo pidchas Pershoї svitovoi viyni [Galician Russophilia during WWI]. *Visnik L'viv's'koi komertsyinoi akademii - LCA Bulletin*. 10. pp. 235-249.

Pashaeva, N.M. (2007) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the History of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Imperskaya traditsiya.

Military Censorship Department of the Office of the Quartermaster General

Staff Chief of the Armies of the South-Western Front. (1914) *Sovremennaya Galichina: etnograficheskoe i kul'turno-politicheskoe sostoyanie eya, v svyazi s natsional'no-obshchestvennymi nastroyeniyami* [Modern Galicia: Its ethnographic, cultural and political status in connection with the national public mood]. [s. l.]. Travelling Typography of General Headquarters.

Sulyak, S. (2015) The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the civil war). *Rusin*. 4 (42). pp. 107-125 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/9

Sulyak, S. (2016a) Rusins in the memoirs of the participants of the Great War. *Rusin*. 2 (44). pp. 73-92 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6

Sulyak, S. (2016b) Galician Rus in Russian non-periodicals during the early stages of WWI. *Rusin*. 3 (45). pp. 190-216 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/14

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета (Россия), президент Общественной ассоциации «Русь» (Молдова).

Sulyak Sergey - Tomsk State University (Russia), Association "Rus" (Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru